

Алексей
Слаповский

Алексей
Слаповский

Неизвестность

Роман века
1917 – 2017

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С47

Художник *Владимир Мачинский*

Слаповский, Алексей Иванович.

С47 **Неизвестность : роман века : 1917–2017 / Алексей Слаповский.** – Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. – 504, [8] с. – (Новая русская классика).

ISBN 978-5-17-102529-8

Новая книга Алексея Слаповского «Неизвестность» носит подзаголовок «роман века» – события охватывают ровно сто лет, 1917–2017. Сто лет неизвестности. Это история одного рода – в дневниках, письмах, документах, рассказах и диалогах.

Герои романа – крестьянин, попавший в жернова НКВД, его сын, который хотел стать летчиком и танкистом, но пошел на службу в этот самый НКВД, внук-художник, мечтавший о чистом творчестве, но ударившийся в рекламный бизнес, и его юная дочь, обучающая житейской мудрости свою бабушку, бывшую горячую комсомолку.

«Каждое поколение начинает жить словно заново, получая в наследство то единственное, что у нас постоянно, – череду перемен с непредсказуемым результатом».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102529-8

© Слаповский А.И., 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Оглавление

Читателям	7
Часть I	
Дневник Николая Тимофеевича Смирнова 1917–1937	9
Часть II	
Дневник и письма Владимира Смирнова 1936–1941	109
Часть III	
Интервью Ани Смирновой с участием ее бабушки Екатерины Николаевны, отца Виктора и матери Ирины 1941–1959; 2016	205
Часть IV	
Приговор Антону Смирнову 1954–1962	267
Часть V	
Двери: рассказы Виктора Смирнова-Ворохина 1965–2016	279
Часть VI	
Письмо Глеба Смирнова 2017	493

Читателям

Давным-давно, в 2017 году...

Так почему-то хочется начать. Наверное, это следствие странного, не мне одному присущего желания – проскочить мутное безвременье, оказаться на следующей станции, но, конечно, в том же возрасте.

Потому что – раздрай, растерянность, все со всеми переругались.

Одновременно сверху объявлено великое единение, снизу подтвержденное повальным одобрением. Если верить цифрам опросов.

То есть вроде бы люди из массы понимают, куда идем. Но спроси их не для цифры, не просто чтобы сказали «за» или «против», а конкретно: так куда идем, в самом-то деле? – и получишь ответы удивительные, узнаешь, что движемся мы в одном и безусловно верном направлении, но при этом каждый укажет в свою сторону.

Как это в головах укладывается, ей-богу, не знаю.

Будто слышишь:

– Христос воскрес!

– Воистину акбар!

Мы путаемся в настоящем, не понимаем его, потому что до сих пор не поняли прошлого.

И я путаюсь.

Оно ясным казалось мне когда-то на уроках истории в школе. Никаких сомнений, Павел Корчагин герой и Павлик Морозов герой.

Потом объяснили: нет, Корчагин, может, и герой, хотя, конечно, революционный фанатик, а тезка его Морозов уж точно не герой.

Потом окончательно разоблачили обоих.

Потом обоих реабилитировали.

Потом... — и нет пока этому конца.

И так во всем, чего ни коснись, и со всеми, кого ни коснись.

С такими мыслями я брался за эту книгу. Хотелось понять. Не вмешиваясь в речи героев, не вставляя авторских комментариев, не высываясь со своим мнением.

И кажется, понял. Но не головой, а, как крепко говорили в годы Гражданской войны, собственной шкурой — прожив с героями их жизни, неоднократно изменившись, но оставаясь в целом прежним.

Что именно понял? — ответ в книге, события которой начались совсем недавно, в 1917 году.

Ваш
А.С.

Часть I

Дневник
Николая
Тимофеевича
Смирнова

1917 – 1937

17 декабря 1917 года

Я лишился правой руки, но я левша, и мне повезло. Я ем левой рукой, пишу грамотность, и все остальное тоже делаю левой рукой. Главная достижения*, что я вернулся с фронту живой.

Я Смирнов Николай Тимофеевич, 1894 году рождения, в селе Смирново Акулиновской волости, сословие крестьянин, и вот я пишу эту запись.

Я был завместо писарь в роте. Писаря убили, и я был писарь.

Я до этого был деньщик**. Полковник Мухортнев Илья Романович учил меня грамоте. Он говорил, что русский народ должен быть грамотный. Он был очень душевный человек, хотя и на войне. Я и до этого немного умел самоуком, но нет никакого сравнения.

Потом Илью Романовича убило, а меня послали в роту. Там убило одного писаря. Вот я и стал писарь. В нестроевой роте, но на фронте.

* В записях Н.Т. Смирнова при перепечатке исправлены ошибки и расставлены знаки препинания — для удобства чтения. Сохранены особенности, которые кажутся характерными. Ведь в грамматике и орфографии тоже проявляется личность пишущего, видно его понимание слов и мира.

** См. предыдущее примечание. Дальше читатели разберутся сами.

Там нас было несколько. Другие грамотней по сравнению с меня и с хорошим подчерком. Они смеялись, как я пишу, и не давали ничего важного. Но учили меня, пускай со смехом. Я стал совсем грамотный и с хорошим подчерком. Хотя и левша.

Они еще смеялись, что я прячу, что пишу. Левша ведь рукой закрывает, что пишет. Вот они и смеялись, будто я прячу.

Я писал все, что велели, и письма фронтовиков. Они говорили слова своим родным, а я им писал. Я жил, как кум королю. Но накрыло снарядом, оторвало руку. Думал, что умру, но ничего.

Это было перед Светителя Николая. Мои именины.

Приехали люди и собрали всех. Сказали, что теперь равенство и что командир брат солдату. А кто не согласен, того расстрелять. Наш капитан Данишев был не согласен и сам хотел расстрелять, кто приехал. Они начали громко спорить, кто кого расстреляет, но никто никого не расстрелял.

Потом приехали другие люди и сказали: штыки в землю и конец войне. А кто если из командиров не согласен, то опять расстрелять. Капитан Данишев был опять не согласен и опять хотел расстрелять, кто приехал, а они, наоборот, хотели его расстрелять. Но опять никто никого не расстрелял.

Тут началась артиллерия, и нас всех накрыло вследствие скопления на данной дислокации.

Я очнулся в лазорете.

Слава Богу и хорошие люди, которые мне отрезали руку, но вылечили.

И я теперь прибыл в расположении родной деревне.

У меня, когда ранило, была сумка с бумагой и тетрадь. И ручки, и чернило. Руку оторвало, а сумку не тронуло. Вот чудеса.

Зато я теперь пишу, потому что мне понравилась эта привычка в период прохождения службы.

Я теперь дома, Слава Богу.

На Воздвиженье прибыл.

И тут же мне отец, Смирнов Тимофей Трофимович, а маму мою зовут Анна Федоровна, и еще у меня две младшие сестры, Дарья и Елизавета, а двух старших братьев, Никиту и Семена, убило, а Кирилл утонул, а всего нас раньше было восемь человек, но двое детей умерли еще в детстве. Остались мы всего трое. Николай, то есть я, и Дарья с Елизаветой. Отец мне сказал, теперь ты голова семьи, хоть и однорукий, а я уже старый, так что давай женись и тут командуй, тем более фронтовик и грамотный, пойдешь ты. Бери Смирнову Екатерину, которая дочь Смирновых Больших. Если дадут, а они дадут, им некуда деваться.

К сведению, если кто прочитает, что я тут пишу. У нас полсела Смирновы, потому что называется Смирново. Есть Смирновы Крайние, есть Улошные, есть Смирновы Поповы, есть Смирновы Кривые. Нас зовут Смирновы Худые. За бедность. Мы всегда были бедные. А Большие богаче. Три лошади конского состава и корова с телкой. Овцы и свиньи. Всякая пернатая птица.

Я пошел с моей теткой, маминой сестрой Ульяной, свататься к Смирновой Екатерине.

Тетка сказала, что у вас товар, у нас купец.

Ихний отец, Захар Васильевич, сказал, что купец однорукий и голодраный, но выбирать не приходится. Екатерина в сильном возрасте, двадцать лет, а других женихов поубивало.

Тут вышла Екатерина, и она мне сперва не понравилась. Худоватая и черноватая, включительно глаза. Как цыганка. Но потом присмотрелся, вроде ничего.

Она начала плакать, что хотят отдать за однорукаго.

А отец ей говорит, где я тебе двуруких нынче найду в женатом возрасте?

За Екатериной давали телку, сундук с одеждой и горку с посудой.

Мы прямо стали богачи.

Справили свадьбу, как могли, и начали жить.

Отец сказал братья за хозяйство, но тут прислали от усадьбы Анастасие Никитишны Прёловой и сказали, что узнали, что я грамотный, а им нужен для записей человек. У них кто-то был, но взяли на фронт. Записывать по хозяйству и племянное дело. У Анастасие Никитишны племянная ферма на дюжину быков. И еще там у нее коровы и другая скотина. Большое хозяйство. Управляет помощник Игнатьев. Она с ним живет невенчанная, но я не интересуюсь, это не мое дело. Я научился писать роцион быков и скотины, чтобы они знали, с чего какой результат. Плату дают натурой, мука и масло. Иногда мясо.

У Прёловой наших работает много, чуть не полселла с нее кормится. Но мне отдельное уважение, и это приятно.

Мы стали жить хорошо.

С Екатериной тоже живем хорошо.

Но пришел с фронту Иван Смирнов Большой, старший сын Больших. Сказал, что у него война кончилась, и ругался на своего отца, что отдал Екатерину за меня. Пришел ко мне и бил меня, а я не мог оказать сопротивление вследствие моей одной руки. Но потом убежал от него в хлев, схватил вилы и пригрозил, что убью. Тогда он успокоился, мы помирились и выпили казенной. Он рассказал, что везде идет какая-то буча. Что, когда царя не стало, было непонятно, как теперь будет, а пока разбирались, что к чему, стало еще непонятней.

Я спросил Ивана, что же нас ждет.

Он сказал, нас ждет неизвестность.

25 декабря 1918 года

Хоть я хотел писать постоянно, но никак нет время.

Теперь опять пишу.

Всех Православных с Рождеством Христовым.

И меня, грешного.

Если кто-то что-то делает один раз, то, может, и случайно, а если неоднократно, получится традиция. Вот я и пишу.

Год был очень трудный.

Перед летом лишился работы.

К Анастасие Никитишны пришли люди из нашего села и сказали, что по новому закону отдай народу имущество. Игнатъев начал говорить свои возмущения, но Иван Смирнов Большой начал его бить обухом колуна, как дубинкой, и забил до смерти. Наши тоже помогли. Я прятался на чердаке и боялся. Когда наши начинают мести, они не разбирают. Но Иван увидел меня и сказал, слезай, мы тебя не тронем.

Они побежали в дом и начали выносить оттуда мебельные столы и стулья. И все что попало. У Анастасие Никитишны в эту время гостила дочь Нина. Они что-то там кричали и она кричала, но я не понял что. Я пошел на ферму и взял быка и корову. Отвел домой и вернулся еще, но уже ничего не осталось. Я пошел в дом, но там тоже ничего не было. Была дочь Нина, голая и мертвая. Но Анастасия Никитишна была живая и кричала на меня. Я сказал, что я не виноват.

Я ее пожалел и повез к переправе.

Она все равно кричала и не хотела успокоиться.

Она соскочила с телеги и побежала домой.

Я поехал за ней.

Она лежала дома на своей дочери и опять кричала.

Она стала сумашедшей.

Я поехал домой.